

концепции Юстиниана Г. Л. Курбатов подчеркивает программный ее характер, проявившийся как в завоеваниях на Западе, так и в его реформах. По мнению исследователя, программа Юстиниана была направлена на стабилизацию позднеантичных отношений, ослабление противоречий и консолидацию общества (с. 259). Автор отказывается видеть в завоеваниях на Западе попытку осуществления честолюбивой идеи возрождения Римской империи. Идеологическое оформление, утверждает он, не должно скрывать реальных целей, а именно того, что «присоединение западных областей должно было "укрепить" Византию в борьбе с варварским миром, прежде всего — с Ираном, что могло (при участии ортодоксальной церкви и населения Запада) создать более прочную базу для обеспечения преобладающего или "равновеликого" веса ортодоксального направления в самой Византии» (с. 259). Победы на Западе могли, полагает Г. Л. Курбатов, объединить под властью Юстиниана все те области античного мира, где еще были могущественны силы, тяготевшие к сохранению позднеантичных отношений. Возможно, это и так. Но, как известно, политика Юстиниана на Западе потерпела крах, а восточные области Византийской империи оказались совершенно беззащитными перед вторгшейся во главе с Хосровом иранской армией и испытали все ужасы бедствий беспощадной войны. Города в этих областях потеряли ощущение того, что являются частью единого государства, и, предоставленные сами себе, были вынуждены самостоятельно решать свои проблемы: не имперские государственные мужи, а их местная знать, а нередко и епископы выступали как их представители перед шахом.

Поэтому более чем дискуссионной представляется гипотеза автора о том, что правление Юстиниана отсрочило внутренний упадок государства на несколько десятилетий (с. 260).

Несмотря на бесспорность его социальной программы, в чем Г. Л. Курбатов безусловно прав, Юстиниан оказался неспособным ее осуществить и в немалой степени способствовал глубокому кризису, в котором оказалась империя в результате его правления.

Альтернативная программа политике Юстиниана рассмотрена исследователем на примере Прокопия Кесарийского. Здесь нам представляется плодотворной попытка автора связать позицию историка с политической традицией муниципальной аристократии (с. 203—204), а также подойти к критике Прокопием Юстиниана как к оформленной и осмысленной с позиции государственно-политической теории (с. 208). Не вызывает сомнений и утверждение автора, что идеалом Прокопия являлась аристократическая монархия античного типа. Однако едва ли можно в данном случае говорить о старой сенаторской аристократии, как это делает исследователь (с. 214) просто потому, что существование оной в Византии VI в. представляется достаточно проблематичным. Во всяком случае просопографический и терминологический анализ сочинений Прокопия свидетельствует о том, что, говоря о сенаторской знати, историк подразумевает аристократию, сформировавшуюся уже в собственно византийскую эпоху. Конечно, это была знать, в большей степени приверженная традициям греческого Востока, но все же это было иное социальное образование, нежели сенаторская аристократия римских времен, и генетически к ней не восходило.

В целом можно заключить, что работа Г. Л. Курбатова, несмотря на некоторую дискуссионность, а, может быть, именно благодаря ей, представляет собой интересное исследование, которое является существенным вкладом в изучение такого сложного и многообразного явления, каким является поздняя античность.

А. А. Чекалова

Laiou A. E. *Gender, Society and Economic Life in Byzantium* ("Variorum Reprints"). Hampshire: Brookfield: Variorum, 1992, X + 339 p., portr.

По праву завоевавшие популярность голубые сборники серии "Variorum Reprints" не похожи один на другой. Бывают книги, объединяющие под одной обложкой достаточно отдаленные сюжетно друг от друга статьи, которые объединяет лишь имя их автора. Они, несомненно, полезны, ибо избавляют читателя от необходимости искать в разрозненных, подчас труднодоступных или малотиражных журналах и изданиях интересующие публикации. Но наибольший успех выпадает все же на долю тех изданий рецензируемой серии, где статьи сборника тематически связаны между собой и, выстроенные в определенной логической последова-

тельности, развивают избранную автором научную проблему, являясь как бы главами монографического исследования, тема которого вынесена на обложку книги. Именно к такого рода удачным сборникам следует отнести и издание Variorum "Пол, общество и экономическая жизнь в Византии" директора Вашингтонского центра Дамбартон Оукс Ангелики Лайу. В центре интересов автора — экономическая роль различных социальных слоев поздневизантийского общества, место женщины в нем, семья как социально-экономической ячейки.

Первая половина сборника посвящена историко-демографической и социологической проблеме женщины и семьи в общественной структуре преимущественно палеологовской

эпохи. В докладе на Венском конгрессе византистов "Роль женщины в византийском обществе" А. Лайу отмечает различие между идеологическим и реально историческим аспектами темы, между фактическим положением женщины и формой его отражения в правовых памятниках. В последних в основном зафиксированы лишь казусы, связанные с владением собственностью: именно этот аспект наиболее представителен при изучении проблемы. Последовательно разделяются и формы экономической активности византийских женщин: сферы деятельности аристократки и крестьянки различались даже в такой казалась бы нивелирующей сфере как монастырская община. В целом же область экономической активности женщины, особенно в поздней Византии, значительно превосходила стереотипное ограничение ее занятий домашним хозяйством и ткацко-швейным рукоделием, но включала в себя прежде всего торговлю и сельское хозяйство. Политическая деятельность византийских аристократок, как и их литературно-салонная жизнь, были характерным проявлением их социального темперамента начиная с XI в. Правда, средний уровень женской образованности до XIV в. оставался низким. Социально-политические катаклизмы последних десятилетий существования византийского государства вновь сократили сферу деятельности женщин: в XV в. бросается в глаза преимущественно уход женщин в монастыри.

Сопоставление идеологии и житейской реальности в истории византийских женщин — тема специального исследования А. Лайу. Здесь поднимается вопрос и о женском самосознании, об особенностях ментальности у писательниц и поэтесс, о специфике взаимоотношений членов женской монастырской общины. В центре внимания оказывается женский взгляд на семью, в структуре которой прямо или косвенно мать, хозяйка, воспитательница претендует (так или иначе) на лидирующую роль. Положение вдовы лишь подчеркивало, оттеняло активность социальных и экономических функций женщин. Монастырь также представлялся субинститутом семейных отношений, с одной стороны, и формой выработки собственных социальных градаций у женщин — с другой.

Своеобразным женским праздником в Константинополе представлен праздник Агаты, известной по описаниям Пселла. Участницами его были в основном представительницы женских профессий, в связи с чем ставится вопрос о существовании в византийской столице подобия женских гильдий.

Византийские порядки заключения брака рассматриваются в связи с анализом ответов папы Николая I болгарам. Правовые нормы изучаемых памятников касаются развода, полигамии, адюльтера, сватовства и т.д. При этом подчеркиваются моменты, отличающие византийские обряды от западноевропейских уже в конце IX в.

Специфика женских учреждений исследуется на примере Эпира XIII в. Демографический анализ свидетельствует о широком распространении вступления женщины в брак в довольно раннем возрасте — до 15 лет (хотя бывали и 13-летние жены). Значительным оказывается и удельный вес повторных браков, среднее количество детей первого брака, напротив, невелико (1, 6). Таким образом, именно повторные браки и рождение в них новых детей могли способствовать воспроизводству населения региона. Специального внимания в этой связи заслуживает вопрос о внебрачных связях и незаконнорожденных детях. Анализ источников показывает тенденцию в юридической практике поздневизантийского Эпира нивелировать различия в правовом положении разных категорий детей. Это тоже можно объяснить как меру, направленную на поддержание численности населения. С ней связано и небольшое число разводов.

Путь византийской аристократии палеологовского времени, — а этой проблеме посвящена специальная работа, — представлен как история остановленного развития. При ослаблении центральных государственных структур палеологовская Византия характеризуется консолидацией и ростом удельного веса аристократических фамилий. Палеологовскую аристократию нельзя идентифицировать с нобилитетом: в ее среде были и сравнительно новые фамилии, разбогатевшие, снискавшие большой общественный вес и укрепившиеся на вершине пирамиды общественной иерархии. Консолидация палеологовской аристократии проявлялась как в том, что несколько фамилий объединялись в единые кланы (известны случаи объединения почти до десятка патронимов в одном лице), так и в том, что даже политическое фиаско аристократа (например, в ходе гражданской войны) не выключало низвергнутых полностью из общественной жизни, но находились формы поддержания жизнедеятельности аутсайдеров. Пожалуй, впервые в эту эпоху Византия стала закрытым обществом. Византийская палеологовская аристократия подразделяется на несколько групп — провинциальная знать, экономические силы, богатые держатели проний, церковная знать и др. Показательна экономическая, а затем и политическая независимость их от Константинополя в условиях краха экуменической империи и роста партикуляризма. Однако эти процессы, аналогичные западноевропейской феодализации, не имели в Византии ни завершения, ни последовательного воплощения.

Историко-экономическая часть книги открывается масштабным очерком истории поздневизантийской экономики в системе средиземноморской торговли, где прослеживается путь от ситуации доминирования византийского торгового рынка в регионе, применения византийского золотого в качестве "доллара средних веков", экономического и торгового

проспирити византийской коммерции к ее упадку и вытеснению итальянской торговлей. Сила итальянского предпринимательства сказалась в системе организации дела, в создании необходимой информационной базы, о чем свидетельствуют документы архива Франческо Датини, в отказе от рутины торговых традиций, от которых византийские коммерсанты уже не могли оторваться. Действительно, политические факторы оказались решающими в данной ситуации. Итальянская торгово-экономическая экспансия шла рука об руку с политической дестабилизацией византийского государства и его системы. Оторванность экономического хинтерланда от византийской столицы обусловила переход роли лидера в международной торговле к соседней "латинской" Пере. Спад византийской экономической активности в международных операциях отражает и сравнительно редкое упоминание в договорных документах имен греков, вытесненных на периферию международных торговых операций.

Для анализируемой эпохи очень показательным и сначала постепенное, затем активное втягивание византийской государственной аристократии в систему итальянской торговли, причем, часто, на второстепенных ролях, что, однако, становилось формой выживания в новых экономических и политических условиях даже представителей высшего эшелона власти, чутко реагирующих на происходящие перемены в мире. Константинополь перестает быть экономическим монополистом: уже не торгово-экономический центр-монстр гарантирует жизненное обеспечение, но провинциальные, часто небольшие центры оказываются экономически более устойчивыми и жизнеспособными (Мистра, Монеувасия, Эпир, Янина, Арта). Андроник II, пожалуй, в последний раз предпринял попытку возвращения к государственному регулированию экономики и торговли — и не без успеха.

Дополнением к данному исследованию может служить представленный коллективный портрет греческого купца палеологовской Византии. Статистические материалы (привлечены топографические данные о 239 известных купцах) дополняются содержательным анализом. Выявляется эволюция от преимущественного участия греческого купечества в дальней морской торговле к ее ограничению мелкой розничной торговлей в провинции в конце изучаемой эпохи. Специальный интерес представляют материалы о морях и пиратах как

элементах, сопутствующих греческой торговле в XIV в. Характерна, с одной стороны, экономическая активизация выходцев из провинции (прежде всего из Монеувасии, Негропонта, Крита), а с другой — проникновение в сферу предпринимательства представителей византийских аристократических семей (преимущественно из областей, завоеванных турками). Отмечены и элементы банковской деятельности (кредит, заем и др.). Свои позиции греческое купечество постепенно находило и в системе расширяющейся итальянской коммерции. О стабилизации этих позиций свидетельствует поствизантийская история (после 1453 г.), когда греческие купцы преуспевали в совместных торговых операциях.

Влияние политической нестабильности на экономику Балкан, в особенности на византийско-сербские отношения, изучено в статье об экономическом давлении и конфликтах XIV в. Этнические дифференциации в самосознании участников исследуемых процессов были лишь дополнением к обозначившимся торгово-экономическим и политическим противоречиям. Изменение ситуации диктовало прокладывание новых путей: таким стало молдаво-валашское направление торговли в XV в.

Конкретные особенности поздневизантийского экономического развития прослежены в статьях об экономике и обществе венецианского Крита (1270—1305) и о византийских ярмарках. Даже в сложных внешнеполитических и экономических условиях византийцы участвовали — в той или иной роли — в международной экономической жизни. Интернационализация экономики и торговли сопровождается и интернационализацией частной, семейной жизни: на Крите показательно распространение в конце XIII—XIV вв. греко-итальянских семей. Ярмарки уже в X в., были также центрами многосторонних связей, будучи при этом не стихийным, а управляемым институтом, обнаруживающим даже следы цеховой организации предприятий.

Собранные в книге работы в основном опубликованы в 80-е годы, т.е. представляют собой сегодняшний день науки. А умело скомпонованные и снабженные краткими современными дополнениями специально для этого издания, делают книгу А.Лайу фактически важным монографическим исследованием, актуальным в отношении как представленного материала, так и методики исследования.

М. В. Бибиков